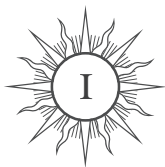

ТЕНЬ
ПАЛАЧА

*Тысячелетья – ничто перед тобой,
Столь быстротечен их лёт;
Краток, как стража, вершащая ночь,
Прежде чем солнце взойдет.*

ВОСКРЕСЕНИЕ И СМЕРТЬ

Быть может, свое будущее я предчувствовал с самого начала. Ржавая решетка ворот, преградившая нам путь, и пряди тянувшегося с реки тумана, обволакивавшие острые наверхия прутьев, словно горные пики, и поныне остаются для меня символами изгнания. Вот почему моя повесть начинается сразу после того, как мы переплыли реку, причем я, ученик гильдии палачей Севериан, едва не утонул.

— А стража-то нет, — сказал Рох, мой друг, Дротту, хотя тот и без него отлично видел, как обстоят дела.

Парнишка по имени Эата неуверенно предложил обойти кругом. Кивок и взмах веснушчатой руки означали несколько тысяч шагов через трущобы под стеной и подъем по склону холма — туда, где стена Цитадели выше всего. Этот путь мне еще предстоит пройти — гораздо позже.

— И нас вот так, запросто, пропустят через барбакан? Ведь за мастером Гюрло пошлют.

— Но почему стража на месте нет?

— Да какая разница? — Дротт тряхнул решетку. — Эата, попробуй — может, пролезешь меж прутьев.

Что ж, Дротт — наш капитан. Эата просунул сквозь прутья плечо и руку, и тут же стало ясно, что дело безнадежно: туловище не пройдет.

— Кто-то идет, — прошептал Рох.

Дротт тут же выдернул из решетки Эату.

Я оглянулся. Там, в конце улицы, мелькали фонари; до ушей моих донеслись шаги и голоса. Я приготовился прятаться, но Рох удержал меня:

— Погоди! Они с пиками!

— Думаешь, страж возвращается?

Он покачал головой:

— Слишком много.

— По меньшей мере дюжина, — подтвердил Дротт.

Мы еще не обсохли после купания в Гьёлле. В памяти своей я и посейчас стою у тех ворот, дрожа от холода. Как все, что, будучи с виду непреходящим, неотвратимо идет к концу, мгновения, казавшиеся тогда неимоверно быстрыми, напротив, возрождаются вновь и вновь — не только в памяти моей (которая в конечном счете не позволяет пропасть ничему), в биении сердца, в морозце по коже возобновляются они, совсем как наше Содружество ежеутренне возрождается к жизни под пронзительный рев горнов.

Насколько позволял судить тускло-желтый свет фонарей, доспехов на подошедших не было, однако при них имелись не только замеченные Дроттом пики, но и топоры с посохами. Вдобавок на поясе у вожака красовался длинный обоюдоострый нож, однако меня гораздо сильнее заинтересовал увесистый ключ на шнурке, обвивавшем его шею: с виду он вполне подошел бы к замку на воротах.

Малыш Эата беспокойно шевельнулся. Главный, заметив нас, поднял фонарь над головой.

— Мы ждем здесь, чтобы пройти внутрь, добрый человек, — громко сказал Дротт.

Ростом он был повыше, но темное лицо его выражало крайнюю степень почтения.

— Только после рассвета, — буркнул вожак. — А пока, ребята, ступайте-ка по домам.

— Добрый человек, страж должен был впустить нас, но отлучился куда-то...

Вожак шагнул к нам, причем ладонь его легла на рукоять ножа.

— Нынче ночью вы сюда не пройдете.

Тут мне сделалось малость не по себе: что, если он догадался, кто мы?

Дротт отступил, а мы встали за его спиной.

— Кто вы, добрые люди? С виду — не солдаты...

— Мы добровольцы, — ответил один из подошедших. — Пришли охранять своих мертвых.

— Значит, вы можете пропустить нас.

Вожак отвернулся.

— Туда не войдет никто, кроме нас.

Ключ его заскрежетал в замке. Ворота распахнулись, и, прежде чем кто-либо успел помешать, Эата метнулся внутрь. Кто-то выругался; вожак и еще двое добровольцев ринулись следом, но Эата оказался проворней. Его шевелюра цвета пеньки и залатанная рубаха, попетляв среди осевших могил нищих, исчезли в зарослях изваяний выше по склону. Дротт тоже устремился за ним, но его схватили за руки.

— Нужно же найти его! Не украдем мы ваших мертвых...

— А тогда зачем вам туда понадобилось? — спросил один из добровольцев.

— Травы собрать, — отвечал Дротт. — Мы — подмастерья у лекаря. Больных ведь нужно лечить, как по-твоему?

Доброволец молча таращился на него. Погнавшись за Эатой, человек с ключом бросил фонарь. В неверном свете оставшихся двух фонарей доброволец выглядел сушим простаком — должно быть, из чернорабочих.

— Ты должен знать, — продолжал Дротт, — что некоторые ингредиенты обретают полную силу, лишь будучи извлеченными из кладбищенской почвы при лунном свете. Скоро ударят заморозки, и все погибнет, а нашим мастерам без запасов на зиму не обойтись. Три мастера устроили нам разрешение войти сюда нынче ночью; этого же парнишку я нанял у его отца нам в помощь.

— А вам не во что складывать эти... ингредиенты!

До сих пор не устаю восхищаться находчивостью Дротта!

— Мы вяжем их в снопы и высушиваем, — с этими словами он без малейшей заминки вынул из кармана клубок обычной бечевки.

— Понятно... — пробормотал доброволец, явно ничего не понимавший.

Мы с Рохом придвинулись к воротам поближе, но Дротт, напротив, отступил на шаг.

— Если вы не позволите нам собрать травы, мы лучше пойдем. Пожалуй, мы теперь не отыщем там даже этого паренька.

— Никуда вы не пойдете. Его нужно выгнать оттуда.

— Хорошо...

Дротт нехотя шагнул в ворота. Мы в сопровождении добровольцев двинулись за ним. Вот некоторые мистические доктрины утверждают, будто материальный мир создан не чем иным, как человеческим разумом, поскольку управляют нами искусственные категории, в которые мы помещаем предметы по существу недифференцированные, еще более неосозаемые, чем изобретенные для них слова. Вот этот самый принцип я в ту ночь понял интуитивно, едва услышав, как доброволец, замыкавший шествие, захлопнул за нами ворота.

— Ну, я пойду присмотреть за матерью, — сказал доброволец, до сих пор молчавший. — И так сколько времени потратили даром — ее бы уже за лигу отсюда могли унести!

Прочие согласно забормотали, и отряд рассыпался. Один фонарь двинулся влево, другой — вправо. Мы же с оставшимися добровольцами поднялись на центральную аллею, по которой всегда возвращались к рухнувшему участку стены Цитадели.

Я ничего не забываю. В этом — моя природа, радость моя и проклятие. Каждый лязг цепи и посвист ветра, отенок, запах и вкус сохраняются в памяти моей неизмен-

ными. Я знаю, что так бывает не со всеми, однако не могу представить, как может быть иначе. Наверное, это — наподобие сна, когда не осознаешь того, что творится вокруг. А несколько белых ступеней, ведущих к центральной аллее, и сейчас стоят перед моим взором...

Воздух становился все холоднее. Света при нас не было, да вдобавок с Гьёлля начал подниматься туман. Несколько птиц, прилетевших переночевать в ветвях сосен и кипарисов, никак не могли угомониться и тяжело перепархивали с дерева на дерево. Я помню, что чувствовали мои ладони, растиравшие мерзнувшие плечи, помню мерцание удалявшихся фонарей среди надгробных стел, помню запах реки, принесенный туманом и насквозь пропитавший мою рубашку, смешавшись с резким запахом свежевскопанной земли. В тот день я едва не утонул, запутавшись в гуще подводных корней, а ночью впервые почувствовал себя взрослым.

Раздался выстрел — я никогда прежде не видел такого. Лиловая молния расщепила темноту, словно клин, и темнота с громом сомкнулась вновь. Где-то рухнул монумент. И вновь — тишина, в которой, казалось, растворилось все вокруг. Мы пустились бежать. Неподалеку закричали люди, сталь зазвенела о камень, точно чей-то баделер ударил по могильной плите. Я рванулся прочь по совершенно незнакомой (по крайней мере, так мне показалось) аллее, узкой — едва-едва разойтись двоим, устланной обломками костей и, точно сломанное ребро, вонзавшейся в небольшую низинку. В тумане не разглядеть было ничего, кроме темных глыб памятников по бокам аллейки. Затем дорожка внезапно, точно ее выдернули из-под ног, исчезла — видимо, я где-то прозевал поворот. Едва увернувшись от обелиска, словно из-под земли выросшего передо мной, я на полном ходу врезался в человека, одетого в черное пальто.

Он оказался жестким, точно дерево; удар при столкновении сшиб меня с ног и на время лишил способности

дышать. Человек в черном пальто тихо выругался, а затем я услышал свист рассеченного клинком воздуха.

— Что случилось? — спросил другой голос.

— Кто-то налетел на меня. Налетел и исчез, кем бы он ни был.

Я замер.

— Открой фонарь.

Этот голос принадлежал женщине и был очень похож на воркованье голубки, если не считать повелительного тона.

— Госпожа, они накинутся на нас, как стая дholeй, — возразил тот, на кого я налетел.

— Они в любом случае скоро будут здесь — Водал стрелял. Ты должен был слышать.

— Ну выстрел их скорее отпугнет...

В разговор снова вступил человек, заговоривший первым, — я был тогда еще слишком неопытен, чтобы распознать характерный акцент экзультанта:

— Лучше бы я не брал этого с собой. Против людей такого сорта — нужды нет.

Теперь он был гораздо ближе; какое-то мгновение я мог видеть его сквозь туман. Очень высокий, худощавый, с непокрытой головой, он стоял возле толстяка, на которого я наткнулся. Третьей была женщина, закутанная в черное. Лишившись дыханья, я не в силах был двигаться, однако как-то сумел отползти за постамент статуи и, едва оказавшись в безопасном месте, снова принялся наблюдать за ними.

Мало-помалу глаза привыкали к темноте. Разглядев правильное, продолговатое лицо женщины, я отметил, что она почти одного роста с худощавым человеком по имени Водал.

— Трави помалу, — скомандовал толстяк, скрытый теперь от моих глаз.

На слух, он находился всего лишь в паре шагов от того места, где я прятался, но из виду пропал надежно, точно

вода, вылитая в колодец. Затем я увидел, как к ногам худощавого придвинулось что-то черное (должно быть, тулья шляпы толстяка), и понял, в чем дело: толстяк спустился в могильную яму!

— Как она? — спросила женщина.

— Свежа, как роза, госпожа! Запаха почти не чувствуется, тревожиться не о чем. — С невероятным для его сложения проворством он выпрыгнул из ямы. — Берите другой конец, сеньор; вытащим легче, чем морковь из грядки!

Что сказала после этого женщина, я не расслышал. Худощавый ответил:

— Это тебе не стоило ходить с нами, Тея. Как я буду выглядеть перед остальными, если вовсе ничем не рискую?

Они с толстяком закричали от напряжения, и я увидел, как возле их ног появилось что-то белое. Оба наклонились, чтобы поднять его. И вдруг — точно амшаспанд коснулся их сияющим жезлом — туман всклубился, уступив дорогу зеленому лунному лучу. В руках их был труп, тело женщины. Темные волосы ее спутались, лиловато-серое лицо отчетливо контрастировало с длинным платьем из какой-то светлой ткани.

— Видишь, сеньор? — сказал толстяк. — Как я и говорил. Ну вот, госпожа, осталось всего ничего. Только за стену переправить.

Стоило этим словам слететь с его губ, неподалеку вскрикнули, и на дорожке, ведущей в низинку, появились трое добровольцев.

— Придержи их, сеньор, — буркнул толстяк, взваливая тело на плечо. — Я пригляжу за дамами.

— Возьми это, — сказал Водал.

Поданный им пистолет сверкнул в лунном луче, словно зеркальце.

— Сеньор, — ахнул толстяк, — я и в руках-то никогда не держал...

— Возьми, может пригодиться!

Нагнувшись, Водал поднял с земли что-то наподобие темной палки. Шорох металла о дерево — и в руке его оказался узкий блестящий клинок.

— *Защищайтесь!* — крикнул он.

Женщина, точно голубка, слышавшая клич арктотера, выхватила блестящий пистолет из руки толстяка, и оба они отступили в туман.

Трое добровольцев приостановились, затем один двинулся вправо, другой — влево, чтобы напасть разом с трех сторон. Оставшийся на белой дорожке из обломков костей был вооружен пикой, а один из его товарищей — топором.

Третьим оказался вожак добровольцев — тот самый, что разговаривал с Дроттом у ворот.

— Кто ты такой?! — закричал он. — Какого Эреба явился сюда и чинишь непотребства?!

Водал молчал, но острое его клинка пристально следило за добровольцами.

— Вместе, разом! — зарычал вожак. — Вперед!

Однако добровольцы замешкались, и прежде чем они смогли приблизиться, Водал ринулся в атаку. Клинок его, сверкнув в тусклом лунном луче, заскрежетал о наверхшие пики — точно стальная змея скользнула по бревну из железа. Пикинер с воплем отскочил назад; Водал (наверное, опасаясь, как бы двое оставшихся не зашли с тыла) отпрыгнул тоже, потерял равновесие и упал.

Все происходило в темноте, да и туман отнюдь не улучшал видимости. Конечно, я видел все, однако и мужчины, и женщина с правильным, округлым лицом казались мне лишь темными силуэтами. И все же что-то в происходящем тронуло мое сердце. Очевидно, готовность Водала умереть, защищая эту женщину, заставила меня проникнуться к ней особой симпатией, а уж восхищение самим Водалом внушала наверняка. Сколько раз с тех пор я, стоя на шатком помосте посреди рыночной площади какого-нибудь за-

штатного городишки и заноса мой верный «Терминус Эст» над головою какого-нибудь жалкого бродяги, окутанный ненавистью толпы и — что еще омерзительнее — грязным сладострастием тех, кому доставляет наслаждение чужая боль и смерть, вспоминал Водала на краю могильной ямы и поднимал клинок так, словно бью за него!

Водал, как я уже говорил, споткнулся. В тот миг я поверил, будто вся жизнь моя брошена на чашу весов вместе с его жизнью.

Добровольцы, зашедшие с флангов, кинулись на него, но оружия из рук он не выпустил. Клинок сверкнул в воздухе, хотя хозяин его еще не успел подняться. Помнится, я подумал, что мне очень пригодился бы такой же в тот день, когда Дротт сделался капитаном учеников, а затем живо представил себя на месте Водала.

Человек с топором, в чью сторону был сделан выпад, отступил, а другой ринулся в атаку, выставив перед собою нож. Я к этому моменту уже поднялся на ноги и наблюдал за схваткой через плечо халцедонового ангела. Водал едва увернулся от удара, и нож вожака добровольцев ушел в землю по самую гарду. Водал отмахнулся от противника шпагой, но клинок ее был слишком длинен для ближнего боя. Вместо того чтобы отступить, вожак добровольцев бросил оружие и взял Водала в борцовский захват. Дрались они на самом краю могильной ямы — наверное, Водал увяз в вынутой из нее земле.

Второй доброволец поднял топор, но в последний миг замешкался — ближним к нему был вожак. Тогда он обошел сцепившихся на краю могилы, чтобы ударить наверняка, и оказался меньше чем в шаге от моего укрытия. Пока он менял позицию, Водал вытащил из земли нож и вонзил его в глотку вожака. Топор взметнулся вверх; я почти рефлекторно поймал топорище под самым лезвием и тут же оказался в самой гуще событий. Ударил ногой, взмахнул топором — и внезапно обнаружил, что все кончено.